

ство чрезвычайно важно и свидетельствует о полисном характере внутреннего устройства доримской Сардинии. Конечно, более детальных сведений пока нет, однако важно отметить, что дальнейшие исследования, возможно, должны будут пойти по пути сравнительного изучения вопросов самоуправления полисов италийцев и, в частности, этрусков, с таковым в доримской Сардинии. Здесь немало могут дать и будущие эпиграфические находки из пунической Сардинии, а быстрый темп накопления новых материалов дает на это реальную надежду.

На надписях, изданных М. Фантаром, книга не заканчивается, в IV главе, написанной Э. Акваро (стр. 105—107, табл. XXXIX), рассматриваются несколько фрагментов пунических терракот VI—V вв. до н. э., а в гл. V (стр. 109—115) дано издание найденных в Антасе амулетов и их полный каталог³⁴.

В VI главе (стр. 117—143, табл. XLII—LI). Э. Акваро дает публикацию нумизматических находок (монетные клады и находки отдельных монет на Сардинии передки). Автор отмечает, что в 1967 г.

здесь было найдено 2086 монет, из них свыше 650 средневековых или же столь окисленных, что они определению не поддаются. Среди остальных монет 1145 римских, в том числе 1103 времен Империи и только 42 времен Республики и 283 пунических (подавляющее большинство сардо-пунических). Это соотношение видов монет свидетельствует о немалой экономической активности еще до середины III в. до н. э., т. е. до римского завоевания, о резком ее спаде после римского завоевания Сардинии и новом постепенном оживлении торговли в период Империи.

Приложение (стр. 145—165), написанное С. М. Чеккини, посвящено археологическому зоопазу близлежащей к Антасу деревни, где также засвидетельствовано пуническое поселение.

Далее следуют списки иллюстраций и таблиц (стр. 161—165). Кончая беглый разбор этого чрезвычайно полезного издания, следует отметить быстроту и оперативность итальянских ученых в издании интереснейшего материала, выполненного на высоком научном и полиграфическом уровне.

М. Л. Гельцер

³⁴ Авторы Е. Acquaro, D. Fantar.

«ARCHIVES ROYALES DE MARI», XIII. Textes divers transcrits, traduits, et commentés par G. Dossin, J. Bottéro, M. Birot, M. L. Burke, J.-R. Kupper et A. Finet offerts à André Parrot (à l'occasion de XXXe anniversaire de la découverte de Mari), P., 1964, XII+184 стр.

К 30-летию начала раскопок в Мари вышел посвященный Андрэ Парро XIII том издания клинописных табличек (в транслитерации). Том содержит главным образом административную и дипломатическую переписку, которая дает множество сведений по политической и социальной истории Северной Месопотамии и Сирии XVIII в. до н. э.¹

Ж. Доссэн издает и комментирует огромную «административную табличку» (№ 1, стр. 1—14)², в целом хорошо со-

хранившуюся. Она состоит из 14 столбцов (1001 строка). В табличке упомянуты и придворные (имена их встречаются также и в других текстах), и рабочие отряды, состав которых перечисляется поименно. В отдельных строках упоминается о выдаче этим последним одежды.

Далее Ж. Боттеро публикует «Письма Муканнишума» (№№ 2—24, стр. 15—43)³. Это письма уже известного высокого должностного лица древнего Мари времени ЗимриЛима. Письма содержат в основном донесения царю об изготовлении ремесленных изделий (текстиль и оружие) и их отправке.

Следуют изданные М. Биро «Письма ЯсимСуму» (№№ 25—57, стр. 45—79)⁴, приближенного довольно высокого ранга царя ЗимриЛима. Письма к царю и к

24, табл. (VII—VIII), где приводится и автография.

³ См. коммент., стр. 157—163.

⁴ См. коммент., стр. 163—166; см. также М. B i r o t, Les lettres de Iasim-Sumū, «Syria», XLI, 1964, № 1/2, стр. 25—65.

¹ Как известно, начиная с XI тома автографии текстов даются лишь выборочно, для сомнительных случаев (см. стр. 179—183 настоящего издания); X же том издан только в автографии, он содержит 179 текстов писем, отправленных женщинами (G. Dossin, Archives Royales de Mari. X. La correspondance feminine, P., 1967, VIII стр. + 78 табл.).

² См. также G. Dossin, À propos de la tablette administrative de ARMT XIII, 1, «Syria», XLI, 1964, 1/2, стр. 21—

должностным лицам касаются в основном продовольствия. Имеются также тексты о сношениях с Эламом, а также со странами на западе — Кархемишем и Катоной.

М. Л. Бюрк издала «Письма Нумушда-Нахрари и трех других корреспондентов к Идиннату» (№№ 58—101, стр. 81—101)⁵. Основная масса этих документов необычна. Идиннату был таможенником, собиравшим пошлину с шедших по Евфрату судов. Как устанавливает издательница, пошлина могла достигать 20% стоимости товара.

Новые письма уже ранее хорошо известного наместника Терки КибриДагана⁶ изданы Ж.-Р. Кюппером (№№ 102—138, стр. 103—136)⁷. Они обращены либо

⁵ См. коммент., стр. 166—167; см. также М. L. Burke, *Lettres de Numuṣda-Nahrāri et de trois autres correspondants à Idinīnātum*, «Syria», XLI, 1964, № 1/2, стр. 67—103.

⁶ См. ARMT, III.

⁷ См. коммент., стр. 167—170; J.-R. Kupper, *Correspondance de Kibri-Dagan*, «Syria», XLI, 1964, № 1/2, стр. 105—116.

к царю, либо к Муканнишуму, упомянутому выше. Тексты значительно расширяют наши познания об администрации Мари и его международных отношениях.

Заключают том изданные А. Финэ письма ЯвиИла (№№ 139—150, стр. 137—156)⁸. Письма эти обращены либо к ЗимриЛиму, либо к ЯсмахАдду, правителю Мари, сыну ШамипАдада ассирийского, предшественника ЗимриЛима. Из них мы узнаем о мелком северомесопотамском царстве Тальхайум, подчиненном Мари. Само же имя царя ЯвиИла напоминает теофорные имена Ветхого завета и, как отмечает А. Финэ⁹ соответствует имени Jō'el.

Следует еще отметить указатель табличек с именами авторов документов, адресатов, мест находок в пределах дворца Мари и других данных.

Каждая новая публикация из архивов Мари обогащает наши знания по истории начала II тыс. до н. э.

М. Л. Гельцер

⁸ См. коммент., стр. 170—174; ср. также A. F i n e t, *Iawī-llā, roi de Talḥayūm*, «Syria», XLI, 1964, № 1/2, стр. 117—142.

⁹ Там же, стр. 122.

M. LIVERANI, *Sargon di Akkad* («I Protagonisti della Storia Universale», 57), Roma, 1966, 28 стр. (in 4°), илл.

Необходимость исследования биографий исторических деятелей древнего Ближнего Востока давно назрела, но лишь задуманная в Италии серия «Главные действующие лица всемирной истории» предусматривает биографии Саргона Аккадского, Эхнатона, Хаммурапи, Рамсеса II, Сушпилулиумы, Соломона, а также Гильгамеша и Моисея. Рецензируемый выпуск посвящен Саргону Аккадскому.

Конечно, исторических данных о самом Саргоне Аккадском сохранилось немного. Однако М. Ливерани дал исторический обзор всей рассматриваемой эпохи в качестве фона деятельности Саргона.

Автор придерживается так называемой «средней хронологии», принятой и в советской науке, которая датирует правление этого царя 2370—2315 гг. до н. э. Далее следует краткая характеристика сведений о Саргоне Аккадском, которого историческая традиция Двуречья не забывала вплоть до Набонида (вторая половина VI в. до н. э.). Об этом же говорится в разделе «Между историей и легендой» (стр. 3—4) — автор приходит к выводу, что даже легендарная традиция о Саргоне свидетельствует об исторической роли эпохи Саргона, эпохи первого объединения Двуречья и уничтожения старой политической системы городов-государств. Опираясь на данные источников, М. Ливерани (стр. 4—5) следует за

теми учеными, которые убедительно доказали отсутствие этнического или расового конфликта в рассматриваемый период, указывая, что победа Саргона над Лугальзаггеси не привела к угнетению шумерского этнического элемента семитами. Напротив, говоря о существовании культур семитов-аккадцев и шумерийцев (стр. 5—7), автор указывает на двуязычность царских надписей, наличие семитских и шумерских имен внутри одной семьи (в том числе и царской), почитание шумерских и семитских божеств и т. д. Однако М. Ливерани справедливо отмечает, что север Двуречья был районом преобладания семитского, а юг — шумерского этнического элемента.

Касаясь географического кругозора того времени, автор говорит о завоевательных походах на север, к Средиземному морю, возможно и в Малую Азию, Западный Иран (Элам) и на остров Дильмун (Бахрейн), оставляя открытым вопрос о точной локализации лежащих далее за морем Магана и Мелуххи (возможно побережье Омана и Северо-Западного Индостана). Эти же вопросы автор поднимает и в разделе «Завоевание империи» (стр. 11—13). Большой интерес представляют данные о походе Саргона через Мари на Евфрате на север и завоевание Иблы (Эблы) и Ярмуты. Итальянские раскопки 1968 г., как известно, окон-

чательно отождествили с этим городом Телль-Мардих (около 70 км к югу от Халеба/Алеппо). Все это помогает лучше уяснить сейчас направления походов Саргона и его внука Нарамсина. Говоря о подчиненном Саргону населении, М. Ливерани правильно отмечает принципиальное различие между родо-племенной организацией семитских кочевников — аморреев северо-запада — и территориально-общинной организацией шумерского населения.

Насколько это возможно, рассмотрен и вопрос об эволюции идей «всемирного» государства Саргона и Нарамсина (стр. 7—8). Саргон, называя себя в результате своих побед «царем четырех стран света» и царем (города) Киша, лишь впоследствии переходит от *šar Kiš* «царь Киша» к сходно звучащему термину *šar kiššati* «царь вселенной». Критически разбирая легенду о рождении и воспитании Саргона (стр. 8—11), М. Ливерани отмечает ее историчность в том, что Саргон был явно незнатного происхождения. Власть он добился, опираясь на слои населения, недовольные засильем знати в городах Шумера; возможно, они же помогли Саргону сокрушить его основного противника — представителя шумерской знати Лугальзаггеси.

Характеризуя управление государством при Саргоне (стр. 13—17), автор указывает, что хотя и создавалось царское хозяйство, как это наиболее отчетливо видно из данных «обелиска Маништусу», сына Саргона, в котором говорится о скупке земли царем, территориальная община продолжала существовать. Важным мероприятием на пути централизации управления страной было создание Саргоном постоянного войска. Однако знать шумерских городов, несмотря на попытки Саргона сблизиться с ней или установить над ней контроль, оставалась силой, враждебной аккадской династии, известен ряд восстаний, которыми руко-

водили «старейшины» (стр. 17—18). Именно в противовес старой знати Саргон создает новый слой служилой знати, целиком от него зависимой.

Возможно, что еще при жизни Саргона или непосредственно после него началась его «героизация», о которой мы знаем из легенды о его рождении или из эпоса «Царь битвы». Следующим шагом было обожествление Саргона и других правителей аккадской династии, которое начинается еще во время их правления (стр. 21—24).

В заключении своей книги (стр. 24—28). М. Ливерани рассматривает вопрос о формировании исторической традиции об аккадской династии и Саргоне, в частности. Он считает, что помимо существования непрерывной письменной исторической традиции, особую роль в ее увековечении сыграли писцы старовавилонского времени, снявшие немало копий с надписей царей аккадской династии в храмах Ниппура, религиозного центра Шумера. Последующие периоды упадка обусловили сохранение традиции об аккадской державе как о перипетии величия и расцвета Двуречья. Центральными фигурами этой исторической традиции стали, естественно, Саргон и его внук Нарамсин. Их образы стали центральными в ряде легендарных, полуполулегендарных и эпических текстов.

Книга М. Ливерани, на наш взгляд, несмотря на свой небольшой объем и научно-популярный характер, убеждает в правильности выводов автора. Его взгляды во многом совпадают с соответствующей главой книги И. М. Дьяконова¹, которую автор, однако, не приводит в своем списке литературы, посвященной Саргону.

М. Л. Гельцер

¹ И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1959.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 70-ЛЕТИЮ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА КОРОСТОВЦЕВА

Свое 70-летие Михаил Александрович Коростовцев — доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом древнего Востока Института востоковедения АН СССР и член редколлегии журнала «Вестник древней истории» — встречает в полном расцвете творчества и кипучей организационной и педагогической деятельности.

Исследовательская деятельность М. А. Коростовцева посвящена прежде всего проблемам египетского языка. И хотя египтологии он посвятил себя сравнительно поздно — наибольшие успехи его в этой области относятся главным образом к последним десятилетиям, — однако за этот короткий срок ему удалось сделать очень многое. Число его опубликованных исследований приближается к сотне, и среди них мы видим такие фундаментальные труды, как, например, издание папируса ГМИИ с текстом «Путешествия Ун-Амуна в Библ» или публикацию папируса № 127 того же собрания. В первом из этих трудов М. А. Коростовцев впервые опубликовал факсимиле этого папируса, уточнил его иероглифическую транскрипцию, которую ранее произвел Гардинер, и дал новый перевод этого знаменитого произведения древнеегипетской литературы, снабдив его подробнейшим филологическим и историческим комментарием, а также введением, в котором убедительно доказывает, что этот текст представляет собой подлинный официальный отчет Ун-Амуна и, следовательно, документ большого исторического значения. Во втором из названных трудов М. А. Коростовцев дал editio princeps одного из труднейших для изучения иератических текстов с иероглифической транскрипцией, переводом и комментарием. М. А. Коростовцеву принадлежит также ряд переводов на русский язык других памятников египетской литературы и исторических документов.

Заслуженную известность принесли Михаилу Александровичу его многочисленные исследования по принципиальным вопросам египетского языка, опубликованные в советской и иностранной периодической печати. В течение ряда последних лет его внимание было сосредоточено на составлении «Грамматики новоегипетского языка», которая в настоящее время находится в печати. Египтология уже давно ощущала острую потребность в появлении такого труда, поскольку предыдущая новоегипетская грамматика, составленная создателем этой отрасли египтологии А. Эрманом, была опубликована ровно 9 лет назад.

Имя М. А. Коростовцева хорошо известно более широким кругам востоковедов как автора монографии «Введение в египетскую филологию».

Наряду с проблемами египетской филологии Михаила Александровича живо интересуют вопросы истории древнего Египта, примером чему может служить его монография «Исцисы древнего Египта», в которой вопрос рассматривается как с филологической, так и с исторической точки зрения. Но Михаила Александровича интересует и более широкий круг исторических проблем древнего Востока, прежде всего теоретического характера, которым посвящен ряд его докладов и статей, в частности его «Введение» в коллективный труд по истории культуры народов древнего Востока. В этих работах М. А. Коростовцев рассматривает основные проблемы марксистского изучения древневосточных обществ. В настоящее время М. А. Коростовцев возглавляет редакционную коллегию двухтомной коллективной монографии «История древнего Востока», которую подготавливает Институт востоковедения АН СССР.

Помимо подготовки аспирантов в Институте востоковедения, ряд из которых уже получили степень кандидата, М. А. Коростовцев ведет также педагогическую работу и в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Обширна и разнообразна научно-организационная и научно-общественная деятельность Михаила Александровича. Он избран заместителем председателя Ученого